

София СЕЛЕКТОР

ДЕКАБРЬСКИЙ ШИПОВНИК

София Львовна Селектор родилась в подмосковном Загорске (ныне Сергиев Посад). Получила высшее техническое образование, окончила аспирантуру, занимается исследовательской работой в области нанотехнологии. Поэтесса, член Союза литераторов России. Печаталась в коллективных сборниках литературных объединений «Облака Вдохновения» и «Московские окна», в альманахах «Словесность» (2017-2020), «Восхождение-IV», «Серебряный дождь 10», «Краски жизни 26». Лауреат нескольких литературных конкурсов. Автор трёх поэтических сборников, государственный стипендиат (2017, 2018) в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России». Живёт в Москве.

ПОЛОСА ТЕНИ

«Возраст между 30 и 40, ближе к 40 – это полоса тени... настоящее уже не является преддверием, предисловием, трамплином...»

Станислав Лем

Сто дорог и сто тысяч развилок.
А пылит под ногами одна.
Шаг за шагом, дыханье
в затылок,
и арена в лохмотьях опилок,
и осколками детских копилок
уж блестит в волосах седина.

Выбор сделан, маршрут
перемерен
и назад, и вперёд, и насквозь.
Так зачем я считаю потери,
среди весны задыхаясь от слёз?

Выбор сделан, судьбою заверен,
и не так уж и плох результат.
Так зачем я считаю потери,
вдоль весны провожая закат?

Слишком поздно менять
направленье.
Слишком рано бросать стремена.
Странный возраст полоскою тени
лёг на плечи, стёр полутона
и, как карты, смешал имена...

P.S.

Престранный шанс —
игрой в рулетку
нас дразнит время перемен:
шагнуть без правил —
через клетку —
упасть без сил?
Иль встать с колен?

Кто знает?! Кто шепнёт на ушко
в миг нужный нужное число?
Чей срок отмерила кукушка?
Кому алмаз? Кому стекло?

И даже сказочного камня-
советчика в помине нет —
на перекрёстке щит рекламный
с огромной пачкой сигарет.

Пора. Вращаются колёса,
уже торопят время вспять —
давно решённые вопросы
опять, как в юности, решать:
кем быть?
Какие рвать затворы?
И по какому ветру плыть?
И где тот якорь, под которым
не рвётся Ариадны нить?

И весь мой опыт
старой шалью
повис, сомненья теребя:
ведь там, в шестнадцать,
мы решали
лишь за себя...

Заглядываем Вечности в глаза,
прощаясь с детством
у родительских могил,
и обращаем взоры к небесам,
навек теряя тех, кто нас любил...
У края бездны на семи ветрах,
глотаю горький поминальный
хлеб,
вдруг осознать сквозь боль,
и скорбь, и страх
себя как продолженье ИХ судеб.

Как здесь смешон наш
юношеский пыл:
«Я не такой!
Я всё сумею сам!»,
когда в лучах бестрепетных
светил
заглядываем Вечности в глаза...

В моей руке связующая нить...
Суметь бы детям Главное
сказать.
Меня поймут когда-нибудь они,
заглядывая Вечности в глаза...

Вплетаю эту нить в судьбу поверх
побед, коллизий — всех земных
страстей,
чтоб, вглядываясь в следующий
век,
мечтать о внуках,
вырастив детей.

Август — мой чуть состарившийся
кавалер
с лёгкой проседью, в модном
авто.
Он подчёркнуто мил, наполняя
фужер
так изысканно терпким бордо.

В нём смакуя игру предзакатных
лучей
и тепло обещаний храня,
выпьём за безрассудство
июньских ночей
и беспечность июльского дня...

Золотые шары, свежий мёд,
звонкий Спас,
спелых яблок забористый сок —
вот что нам в утешение август
припас,
уронив первый жёлтый листок.

Мой вечерний наряд элегантен
и прост
и немного по-летнему смел.
Нам распахнуть вечность
под россыпью звёзд,
но уже обозначен предел.
Август росчерком лёгким
за россыпью звёзд
летних дней обозначил предел...

Ну о чём я могу рассказать
этим рядом летящим снежинкам?
Я кого-то могу обогнать,
но куда и зачем же спешить нам?

Всех нас кружит одна карусель,
этот шарик привычно вращая.
Будет мягче иль жёстче постель,
но у всех у нас доля земная...

Будь хоть Гением,
хоть Наглецом,
эти сети порвать невозможно.
И никак не шагнуть за кольцо,
не прикрывшись божественной
ложью.

А уж если неймётся душе —
рвёшь оковы и рвёшься из кожи,
чтоб поймать на крутом вираже
взгляд того,
кто летит кругом позже...

Размашисто ложатся тени
на мартовский осевший снег.
С кошачьей грацией и ленью
они дотянутся до всех:
до лужицы и до сосульки,
капелью брызнувшей в тиши,
до всех продрогших закоулков
моей зимы, моей души.

И каждой веточкой берёзки
сверкают в солнечных лучах
на снежно-настовых подмостках
беспечной стайкою девчат.
Переглянулись, прыснув смехом,
заигрывая с ветерком,
и птичий щебет робким эхом
им откликается легко.
А ветер вдруг нахмурил брови,
цепочку облаков пригнал
и впопыхах какой-то кровлей
загромыхал!
Загромыхал...

Вздохнёт и вновь,
как из лукошка,
рассыплет тени на снегу.
Кот у прогретого окошка
игриво выгнется в дугу,
следуя, как тонкий луч весенний
мой мартовский осевший снег
расчертит на полоски тени —
на Тьму и Свет,
Печаль и Смех.

ПОПЫТКА ЗАВИСТИ

Цветущий яблоневый сад —
мой символ вешних обновлений:
цветенья бурного каскад
и вздох весеннего томленья.

Беспечно светел, свеж и чист,
и весел так неосторожно,
и заразительно лучист —
не улыбнуться невозможно!

И в цепенящий зимний сон
совсем не страшно погруженье,
коль знаешь: обернётся он
таким безудержным цветеньем.

Тут позавидовать бы мне
предзимнему покою сада,
но гулко скрипнул в тишине
сушняк, укрывшийся
от взгляда, —

тот, что уже не зацветёт
грядущей новою весною,
свой нежный локон не вплетёт
в её веселие земное...

Но снова май, и снова сад
под птичий щебет
беспечен, свеж и Солнцу рад
в весеннем небе...

И манит шелестом листва
из-за ограды:
а ты войди — попробуй стать
частицей сада.

*Ты опоздал на много лет,
Но всё-таки тебе я рада.*

А. Ахматова

Проходят Радость и Беда,
сгорают свечи,
но невозможно опоздать
на эту Встречу,
когда встречаются глаза —
и обрываются «нельзя»,
и длится Вечность...
А чтобы встретиться смогли
глаза и руки,
мы с двух сторон сюда несли
Слова и Звуки —
свою мечту, свою печаль,
свою израненную даль,
бессонниц муки,
свои Победы и Грехи,
и Боль, и детские стихи,
и Страх Разлуки,
и вечный поиск, и полёт,
и горечь тризна,
и суеты водоворот —
все краски жизни!

Ведь только с этим грузом мы —
две половинки
одной Любви, одной Весны,
одной травинки,
одной Любви, одной Весны,
одной бескрайней тишины,
одной слезинки...
У платья оборву подол —
НЕПОВТОРИМА!
А если б раньше ты пришёл,
прошла бы мимо...

ДЕКАБРЬСКИЙ ШИПОВНИК

(место действия — Бордо, Франция)

Цветёт шиповник в декабре —
в Бордо почти тепло.
Туман раскинул на заре
над ним своё крыло.

Цветёт шиповник в декабре,
вбирая каждый луч
по зябкой ветреной поре
в просветах рваных туч.
Сосед платан свою листву
давно сложил у ног,
а пламя клёна на сосну
закинул ветерок.
Как искры, жёлтые листки
срывает с веток дождь.
Им на прощание стихи,
шурша, бормочет ночь.
Алеют спелые плоды,
итожа в срок сезон,
а эти новые цветы —
к чему? Какой резон?
Никто не соберёт с них мёд —
давно уж спит пчела,
а чтобы завязался плод,
не хватит им тепла...
Да, завершён круговорот,
и вызрели плоды,
а он цветёт-цветёт-цветёт —
теперь «для красоты»!

Когда ж ещё ему цвести
вот так — для Красоты?!

Что-то большее —
между рифмами,
между строками и словами.
Что-то большее
между ритмами,
между звуками,
между нами.

Между взглядами,
между мыслями,
там, на призрачной глади
зеркала,
что-то, что, не солгав,
не высказать.

А солгать —
потерять, как не было.
И метаться в ночи неистово,
и искать, теребя и мучая
между ложью и вечной истиной
все оттенки и все созвучия...

Что-то большее —
между ритмами.
Что-то главное —
между строками.

